

Наутро Баки проснулся один под лапником, но со стойким ощущением недавно упущенного чужого тепла в своей руке. И запах этот, запах, так приятно щекотавший ноздри — а теперь он ускользнул, и Баки всё никак не мог вспомнить, что именно это было, такое родное и спокойное.

Он проморгался, убрал с лица патлы и как мог проверил своё тело, подвигав рукой и ногами, напрягая затёкшие мышцы. Они откликались, но нехотя, и страшно зудел обрубок руки. Баки решил размотать его сегодня. Посмотреть, что там, и прополоскать в ручье тряпицу, просушить как следует. А потом снова идти за друидом. Он совсем недавно понял, что тряпица эта — подол от его хламиды. Тот оторвал кусок своей одежды, чтобы замотать его кровоточащий обрубок. Это был поступок поистине великодушный. И его же Баки не мог объяснить. Никак не мог понять этого тощего мальчишку. И этим он Баки страшно раздражал и этим же приманивал, нельзя было оставить всё так, как есть, не поняв, не узнав всей правды.

Он чувствовал себя хорошо для сложившихся обстоятельств, но голод брал своё, и желудок недовольно ныл. Баки неловко поднялся с еловой лежанки и обвёл поляну взглядом. Недавно рассвело, ровно горел недавно разведённый костерок, и от огня чем-то ароматно пахло. Ни гнус, ни зверьё не беспокоили их ночью. И Баки, понимая, что почти привык к этому резковатому запаху, втянул его полную грудь. Добрый запах, бодрящий.

Друида нигде не было видно, и Баки напрягся. Подобрался, встал на ноги, и, подумав, сделал несколько самых простых боевых связок, с мучительной, разъедающей нутро злостью подмечая, какой же он стал неловкий, неуклюжий, разбалансированный... Стиснув зубы, принялся к воздуху и присмотрелся к еловой коре. Увидел свежие следы мальчишки — едва примятый мох между лапником со смахнутой росой — и пошёл по ним.

Тот и не прятался, просто шёл к воде — и Баки был рад, чуя приближение ее носом: воздух свежел ещё больше, становился мокрее и слаще, оседая мелкими каплями на языке. Вкусно.

Мальчишка сидел на берегу маленького лесного озерца под берёзой, склонившейся плетистыми ветвями к самой воде. Словно полоскала в ней свои косы с желтеющим и опадающим листом, и листья те плыли по глади, как гордые корабли англов. Баки видел такие давно, в самом детстве, когда путешествовал с отцом по побережью. Мальчишка был голый и мокрый, видимо, купался в этой холодной воде. Тут же на самой низкой ветке висела его выполосканная хламида, уже без бурых разводов, но с характерными зеленоватыми пятнами, словно друид тёр ее травой. Мальчишка дрожал, как лист на ветру, обхватив свои тощие коленки руками. И его хребет отчётливо проступал острыми холмиками под тонкой белой кожей. Красиво. Баки залюбовался на миг, как мог залюбоваться красивой серьгой новой жены отца или брошью невесты брата. Бесплезная безделушка, не несущая никакого смысла — а всё же красиво. И тут так же... Мальчишка весь напоминал морскую раковину. Тонкую, скрученную, едва оттенённую пятнами сходящих синяков — кто и когда поставил их? И ведь нет в живых твоих обидчиков больше, друид. Один я, думал Баки. Один я здесь, и ты со мной, ходишь, чтобы потом свести с белого света, ведь так? И тогда ты будешь считаться отмщённым? Ведь ты нагнал те тучи своим страхом, ненавистью, отчаянием? Из-за тебя встало целое войско, пока ты приходил в себя, собирал свои чары, копил чёрную боль? Мало ли было тебе пролитой крови? Ты хочешь именно мою? Ведь так и есть — я тому виной. Для меня Брок приволок тебя, убил твоего учителя, сломал твою волю. Или не сломал? Или ты ещё найдёшь в себе силы довести начатое до конца?

Баки стоял за раскидистой сосной, и в прорезь веток смотрел за мальчишкой, глаз не мог отвести — а тот видел перед собой лишь гладь озера. И вдруг начал дрожать так сильно и крупно, что Баки подумал с испугом — как бы не припадок. Видел он всякое в этой жизни. Поэтому вышел и в несколько шагов добрался до мальчишки, повёл плечами и, вывернувшись из своей рваной рубахи, накинул её на согнутую дугой спину. Мальчишка дёрнулся было, как от пощёчины, как от обжигающего прута, но тело, почувствовавшее кусочек тепла, поспешило впитать его — и не поднимая глаз, не в силах снова остаться обнажённым, друид закутался в его, Баки, грязную рубаху.

И отчего-то понимание это кольнуло Баки в самый центр груди, как если бы кто загнал острый клинок между рёбрами. Больно... и после немного сладко. Совсем малость, обманчивое ощущение, но его оказалось достаточно, чтобы дрогнули колени.

Если бы он отдал рубаху своей рабыне, она бы считалась свободной. Это означало бы, что он, Баки, признаёт её и её ребёнка своими. Это бы означало, что она может стать женой — если отец и старшие мужи одобрят его выбор. Но друид был мальчишкой и был свободен. Да и знал ли он эти тонкости чужих обычаев?

Мотнув головой, отгоняя наплывающее оцепенение, Баки принялся распутывать крепления воинского пояса и освобождать ткань килта из-под него. Долго, неловко, нервно проскальзывая пальцами. Это заняло намного больше времени, чем он делал двумя руками, чем справлялась знающая все тонкости ремней женщина. Холодный воздух раннего утра мазнул по бёдрам, ягодицам и мошонке, заострил соски, но Баки едва обратил на это внимание — зимой они всем отрядом купались в проруби и обтирались после боёв снегом. Баки чувствовал холод, но он не беспокоил его.

<http://erolate.com/book/3459/83608>